

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	31
Глава 4	41
Глава 5	53
Глава 6	66
Глава 7	78
Глава 8	87
Глава 9	98
Глава 10	109
Глава 11	125
Глава 12	135
Глава 13	145
Глава 14	156
Глава 15	168
Глава 16	180
Глава 17	194
Глава 18	206
Глава 19	219
Глава 20	233
Глава 21	245
Глава 22	255
Глава 23	267
Глава 24	282
Глава 25	293
Глава 26	304
Глава 27	318
Глава 28	333
Глава 29	349
Глава 30	361
Глава 31	373
Глава 32	385
Глава 33	398
Глава 34	412
Глава 35	424
Глава 36	436

ГЛАВА 1

«Давление падает!» — услышал я сквозь гул, похожий на прибой. Мир качнулся, свет сорвался в туннель, и звук стал вязким. Что-то горячее и липкое обожгло шею.

Моя кровь. Много крови.

Голоса вокруг стали далекими:

— Зажим! Быстро!

— Адреналин! Давление — ноль!

— Пульс едва прощупывается!

Я видел все из полумрака: мелькание рук, капли на перчатках, блеск инструментов. Толстяк Михайленко над столом, его лицо перекошено. Верочка тянет зажим, но кровь все равно хлещет рывками, синхронно с замедляющимися ударами сердца. Я наблюдал за собственной смертью с клинической отстраненностью, как за неудачно проведенной операцией.

Воздух застрял в легких, грудь не слушалась. Начались судороги, сердце сорвалось, тело стало чужим и тяжелым.

Сознание тускло из-за гипоксии — жизни мозга осталось всего на несколько секунд.

Свет ламп над операционным столом разгорался все ярче, пока не слился в сплошное белое сияние.

Последняя мысль: разрыв внутренней сонной, выше бифуркации... без шансов.

А потом пришла тьма...

* * *

Первым вернулся слух.

— ...недопустимое пренебрежение элементарными диагностическими протоколами! — грохотал над моей головой

чей-то начальственный, невероятно раздражающий голос. — Ты понимаешь, Епиходов, что в результате твоих действий мы имеем уже третий летальный исход за месяц?! Третий!

Сознание медленно выплывало из мутной темноты, цепляясь за отдельные фрагменты реальности, словно за соломинки. Я жив? Судя по всему, да.

Невероятно!

Разрыв аневризмы сонной артерии в моем случае должен был стать фатальным. Может, успели провести экстренную операцию?

Веки казались свинцовыми, но мне все же удалось их приподнять. Яркий свет ударил по сетчатке, заставив поморщиться. Белый потолок, люминесцентные лампы в металлических решетках. Больничная палата? Однозначно медицинское учреждение.

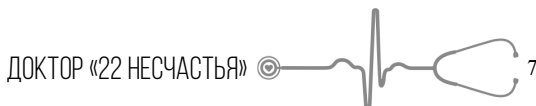
— ...надо было немедленно направить на КТ, а не задерживать с диагностикой на шесть часов! — продолжал неумолимый голос.

Я моргнул, пытаюсь сфокусировать взгляд. Странно. Обстановка казалась незнакомой. Это определенно не нейрохирургическое отделение нашей московской клиники имени академика Ройтберга. И вообще не похоже на реанимацию или блок интенсивной терапии. Скорее, на...

...большой, просторный кабинет с вытянутым столом и несколькими стульями вдоль него. Я... я сижу? Действительно, мое тело находилось в сидячем положении. И на мне был белый халат, но только не накрахмаленный, как обычно, а какой-то перекособоченный, словно его с трудом вытащили из задницы слона.

А напротив, опираясь массивными руками о столешницу, возвышался грузный мужчина лет пятидесяти пяти с массивным подбородком, брылями и залысинами, в белом халате поверх дорогого костюма. Его лицо было искажено плохо сдерживаемым гневом, словно у верблюда, который вознамерился плюнуть.

— Епиходов, ты меня вообще слушаешь?! — рявкнул он и стал еще больше похож на огорченного верблюда. — Или

для тебя смерть пациента — такая незначительная вещь, что можно сидеть и мечтать?

Что происходит? Последнее, что я помнил, — операцию в центре нейрохирургии, разрыв аневризмы в моей собственной голове. А теперь я оказался в каком-то странном месте, и мне выговаривают за... за чужую смерть?

— Простите, я... — И голос мой звучал странно, непривычно. Более высокий тембр, легкая хрипотца. Это не я, не я так говорю!

— Ты что, опять пьян? — понизив тон, с ледяной яростью прошипел мужчина. Металлическая табличка на его нагрудном кармане гласила: «Харитонов Р. И., зав. хирургическим отделением».

Я быстро огляделся. За длинным столом сидело еще несколько человек в белых халатах, с удивлением и плохо скрываемым злорадством наблюдающих за происходящим. Консилиум? Разбор врачебных ошибок?

— Я... Мне нехорошо, — пробормотал я, пытаюсь выиграть время и осмыслить происходящее.

— Разумеется! — саркастически воскликнул Харитонов. — Самое время плохо себя почувствовать, Епиходов!

Он отвернулся от меня и заговорил, подчеркнуто обращаясь ко всем присутствующим, словно меня в этом кабинете и не было:

— Вот видите, коллеги! Когда у него пациент умирал от перитонита, Епиходов мудро проигнорировал все симптомы! Это же додуматься надо было! — Он ткнул пальцем в лежащую на столе медицинскую карту. — Классическая, банальнейшая картина аппендицита, но наш великий гигант мысли и светило медицинской науки умудрился диагностировать пищевое отравление! Представляете?! Прописал нопшу и смекту! И отправил домой! Да за такое Нобелевскую премию насильно должны давать! Правда, через шесть часов пациента привезли обратно с перфорацией, перитонитом и септическим шоком! Но это уже неважно! Да, Епиходов? Зато такой переворот в науке произвел! Еще бы клизму прописал для полного счастья! Чтoб уж наверняка!

Он повернулся ко мне и под смешки присутствующих задал вопрос делано-печальным голосом:

— Ты совсем идиот, да?

Я молчал, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Что это — галлюцинации умирающего мозга? Странное посмертное видение? Кома?

— Молчишь... — Харитонов удрученно покачал головой и зло прищурился. — И правильно делаешь, Епиходов, потому что сказать тебе абсолютно нечего. А ведь я предупреждал. Все, освобождай стол! Живо! И готовься в ближайшие дни к отчету перед комиссией из министерства. Они захотят убедиться, что этот случай не будет замят, как два предыдущих.

Два предыдущих? О чем он вообще говорит?

Я поднялся, чувствуя странную неуклюжесть собственного тела. Оно казалось одновременно и моим, и чужим. Не слишком подходящий по размеру костюм, трет в подмышках, топорщится на животе, как-то странно давит в плечах. И ноги двигались не так, как обычно, чересчур грузно.

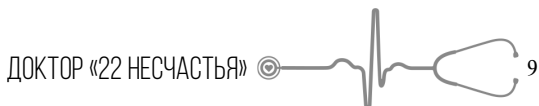
— К среде готовь объяснительную, — сварливо бросил Харитонов мне вслед. — И не надейся на Михаила Петровича, я такое покрывать никому не позволю! Также не советую прибегать к обычным отговоркам, Епиходов! На этот раз все серьезно!

Я молча кивнул и, едва удерживаясь от того, чтобы не покачнуться, направился к выходу, аккуратно ставя ступни на пол, словно пингвин на суше. Голова кружилась. В висках отбойным молотком стучала кровь. Перед глазамиплыли цветные круги и точки. Мне срочно нужно было найти уединенное место и разобраться, что со мной происходит. Галлюцинация? Бред? Или... что-то более странное?

Выйдя в коридор незнакомой больницы, я прислонился к стене, пытаюсь успокоить дыхание и унять тошноту. Для полного счастья еще блевануть здесь не хватало.

Молодой врач, проходивший мимо, окинул меня насмешливым взглядом и поморщился, как от запаха дерьма. Никогда в жизни я не видел настолько откровенного пренебрежения, которое даже не пытались скрыть или завуалировать.

— Как все прошло, Сергей Николаевич? — с фальшивым участием протянул он, растягивая губы в резиновой

улыбке и становясь похожим на изумленную камбалу. — Неужели Ростислав Иванович не проникся?

— Я... — начал я запнулся, не зная, что ответить. Ростислав Иванович? Кто это? Харитонов? Но отвечать хоть что-нибудь было надо, и я сказал: — Я это... мне нужно идти...

Врач раздраженно хмыкнул и пошел дальше, я же на нетвердых ногах двинулся по коридору, пытаюсь найти ближайший туалет или любое другое уединенное место. Несколько медсестер проводили меня такими же неприязненными взглядами. Одна шепнула что-то другой, и обе неприятно захихикали, зыряка на меня и ухмыляясь.

Что вообще происходит, черт возьми?

Наконец я нашел дверь с табличкой «М» и, толкнув ее, вошел внутрь. К счастью, помещение оказалось пустым. Я бросился к раковине и открыл кран с холодной водой, плеснул в лицо.

А потом поднял глаза на зеркало.

Господи! Едва не запнувшись о собственные — или уже нет? — ноги, я шарахнулся в сторону. Сердце рвалось из груди.

В отражении был кто-то другой! Не я!

Не шестидесятивосьмилетний Сергей Николаевич Епихов, ведущий нейрохирург Московского института имени академика Ройтберга, а какой-то жирный, неопрятный мужик средних лет с нездоровым, землистого цвета лицом, красными, воспаленными глазами и трехдневной щетиной. Растерянно я коснулся лба и подбородка — отражение повторило мой жест. Ущипнул себя за щеку — незнакомец в зеркале поморщился.

Невозможно! Это же черт знает что такое!

Я задрал рукав халата. На жирном, словно студень, предплечье виднелась вульгарная татуировка с расплывающимися контурами китайских иероглифов, которой у меня отродясь не было.

Это чужое тело! И я в нем!

Пальцы начали дрожать. Я глубоко вздохнул. И еще раз — диафрагмальным дыханием. Раз, другой, третий — мощным усилием подавил приступ паники, пытаюсь собрать мозги в кучу и мыслить рационально. Вариантов было немного: сон, бред, галлюцинация, кома... В принципе... В принципе, при разрыве аневризмы вполне возможно...

Так что очень даже может быть, что я лежу где-нибудь в обитой войлоком палате, закутанный в смирительную рубашку, а это все бред моего воспаленного воображения.

Но тут в кармане что-то завибрировало. Я прям ощутил дрожание телом. Мобильный. Дешевый смартфон в потертом липком чехле. На экране высветилось имя: «Рамиль».

Трясущимся пальцем я торопливо провел по залапанному экрану.

— Да? — неуверенно каркнул я хриплым, чужим голосом.

— Серега, ну что там? Как прошло? — Голос на другом конце был нетерпеливым, в нем проскальзывали ехидные, злые нотки.

— Нормально, — выдавил я, попытавшись сделать так, чтобы мой голос звучал естественно.

— Да ладно, нормально! — неприятно хохотнул он. — Харитон уже предупредил, что от тебя мокрое место останется после комиссии? Я прямо расстроился за тебя, дружище.

В его голосе, однако, не было ни капли расстройства. Лишь чистое концентрированное злорадство.

— У меня сейчас нет времени говорить. — Я запнулся, вдруг осознав, что не знаю, как обращаться к собеседнику. Просто по имени? — Увидимся позже, Рамиль.

— Да ладно, чего ты? Обиделся, что ли? Ну конечно, ты же у нас рекордсмен — целых трех пациентов угрохал... И всего за месяц! А мне тут пел, что я слишком заиклился на диагностике! Что это зря потраченное время! Ну ничего, еще посмотрим...

Я отключил связь, не дослушав. Мне было не до чужих издевок и причитаний. Хотелось как можно скорее выбраться отсюда и найти тихое место, чтобы еще раз все хорошенько обдумать. Сейчас я пребывал в странном состоянии — примерно как тот человек, который придумал первое в мире колесо и потом долго решал, куда его теперь присобачить.

Потому что этого просто не могло быть!

Я вышел из туалета, стараясь не встречаться взглядом с проходящими мимо сотрудниками больницы. Ведомый интуицией, направился к лестнице. Спустился на первый этаж, свернул направо и прошел через автоматические двери. Стекланный тамбур. Спасительный выход.

Наконец-то!

Холодный осенний воздух ударил в лицо. Я глубоко вдохнул и попытался прояснить мысли.

Внезапно в правом верхнем углу поля зрения появилось слабое мерцание. Я моргнул. Возможно, это просто игра света. Возможно, астигматизм. Но мерцание не исчезло. Наоборот, приобрело более четкую форму — появился полупрозрачный интерфейс, напоминающий фрагмент экрана компьютера. Как если бы на стекле высветился текст.

«Новый носитель: Епиходов Сергей Николаевич, 36 лет...

Активация диагностики носителя...

Диагностика проведена.

Внимание! Физическое состояние тела: критическое!

Продолжительность жизни без вмешательства:

3–5 месяцев.

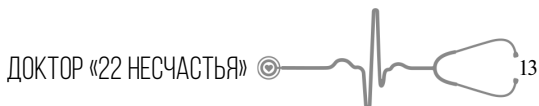
Обнаружены патологии:

- выраженный атеросклероз коронарных сосудов (стеноз 38%);
- жировая дистрофия печени, начальный фиброз;
- нарушения углеводного обмена (преддиабетическое состояние, инсулинорезистентность);
- хронический бронхит курильщика с признаками обструкции;
- повышенная вязкость крови и склонность к тромбообразованию;
- содержание макро- и микроэлементов ниже предела нормы.

Основные причины: курение (15+ лет), регулярное употребление алкоголя, нерациональное питание, малоподвижный образ жизни, некачественный сон, хронический стресс.

Рекомендации по восстановлению функций организма:

1. Немедленный полный отказ от никотина.
2. Полное исключение алкоголя.
3. Противовоспалительная диета.
4. Дозированные физические нагрузки.

5. Нормализация сна и снижение стресса.

6. Медикаментозное лечение.

**Прогнозируемый эффект вмешательства при
соблюдении рекомендаций:**

+(6-12) месяцев к продолжительности жизни в течение
первых 30 дней».

Я протер глаза, но интерфейс никуда не исчез. Он словно плавал перед моим зрением, полупрозрачный, как медуза, но при этом отчетливо различимый.

Что это за чертовщина? Галлюцинация? Но галлюцинации не выдают таких структурированных четких медицинских сведений. Да еще и в оформленном виде.

Почему-то я этой табличке сразу поверил.

Черт с ними, с глюками, но то, что этому жирному телу всего тридцать шесть... Да как можно было довести себя до такого?! Я думал, что ему за пятьдесят, а то и больше...

Но вдруг заметил, что в интерфейсе появились новые строки:

**«Внимание! Недостаточно ресурсов:
носитель в критическом состоянии.**

Функциональность Системы понижена до: 1%».

Система? Что за чертовщина?

Я потряс головой — текст мигнул, но не исчез. Он словно намертво встроился в мое зрительное восприятие, как часть новой жизненной реальности.

Новой жизни... В чужом теле. С какой-то непонятной Системой. В неизвестной больнице, где меня, по-видимому, презирают и обвиняют в смерти пациентов. И судя по всему, я, точнее этот мужик, их реально убил.

А еще я жирный скуф, и жить мне осталось недолго!

Стоп. Что еще за «скуф»? Понимание слова появилось из ниоткуда: так сейчас называют уставших от жизни мужиков, которые брюзжат, недовольны всем подряд и кажутся старше своего возраста. Часто с лишним весом.

Да, точно, мои студенты так выражались, но вот именно понимание... Оно пришло, видимо, из лексикона прошлого вла-

дельца тела. Судя по всему, височные доли мозга, приняв мой вокабуляр, сохранили и то, что было. Ладно, пока это неважно.

Вдруг вспомнилось, что один мой коллега, толстяк Михайленко, был заядлым читателем романов про всяких попаданцев и мечтал стать героем такой истории. Больше всего ему нравилась идея попасть в тело стройного юноши, чтобы пройтись казановой по постелям сговорчивых красавиц. Забавно, что возможность стать попаданцем казалась ему реальнее, чем идея просто похудеть самому и подкачаться.

Что ж, Михайленко, вот я и исполнил твою мечту. Наполовину. Тело вроде еще молодое, но ни черта не стройное. Только что же так хреново-то?

Голова закружилась, к горлу подкатила тошнота — ну, это и неудивительно, с таким-то анамнезом. Даже странно, что это тело еще не откинулось в конвульсиях при таком уровне стресса.

Но раз уж оно пока живо, надо было хоть что-то делать — для начала выяснить, где я нахожусь. Оглядевшись, я заметил на фасаде больницы вывеску: «Казанская городская клиническая больница № 9».

Казань? Это же Татарстан! Как я мог оказаться так далеко от Москвы? Черт, это вообще мой мир? И какой год на дворе? Что вообще происходит?!

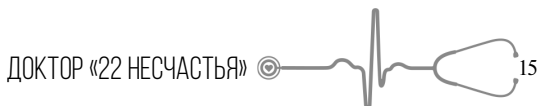
Дичь какая-то...

Лютая, забористая дичь!

Открыв телефон, я быстро изучил содержимое: новостные приложения, соцсети. День в день — дата моей смерти. То есть время то же, октябрь 2025 года, а вот мир... вроде бы мой. По крайней мере, ничего странного я не обнаружил: Ленин был, развал СССР был, партия ЛДПР существует. Все как положено.

Огляделся.

Рядом с больницей стояла потрепанная жизнью некогда белая «девятка», вся какая-то грязная, зачуханная, с вмятиной на правом крыле и разбитой фарой. Я опустил руку в карман брюк и нащупал там связку ключей. Интуитивно подошел к машине, нажал верхнюю кнопку — автомобиль пискнул и мигнул поворотниками.

Значит, это точно моя машина. Точнее, машина этого тела. Того другого Сергея Епиходова, в тело которого я каким-то непостижимым образом переселился.

Казанский тезка. Причем полный тезка. То есть даже имя-отчество совпадают? Какая-то космическая ирония. Шутка мироздания.

С ума сойти!

Я открыл дверцу и сел за руль. Салон был пропитан запахом табака и дешевого освежителя воздуха «Елочка». На приборной панели валялся перетянутый резинкой потрепанный паспорт. Я посмотрел на фотографию и указанные там данные.

Епиходов Сергей Николаевич, 1989 года рождения. Место рождения — г. Казань. Адрес регистрации — улица Марата, дом 27, квартира 69. Судя по отсутствию штампа о регистрации брака, холост. Хотя вроде бы теперь она необязательна.

Это действительно происходит. Я каким-то образом оказался в теле своего казанского тезки, который, судя по тому, что я успел увидеть и услышать, находился в глубоком личном и профессиональном кризисе. А может, просто был тупой. Или вообще маньяк. Раб лени и желаний.

В бардачке лежала смятая пачка Marlboro. Тело отреагировало моментально: слюноотделение, легкая дрожь в пальцах, почти болезненное желание закурить. Никотиновая зависимость, причем сильнейшая. Я, никогда в своей прежней жизни не куривший, вдруг ощутил это на физическом уровне.

Но еще более тревожным было то, что сообщила мне эта странная Система. Три — пять месяцев без коррекции образа жизни, потому что это тело на грани саморазрушения. Ничего себе, «повезло», называется...

Вспомнил статистику, которую регулярно цитировал своим пациентам в прошлой жизни. После отказа от курения уже через двадцать минут начинают снижаться частота пульса и нормализуется артериальное давление. Через двенадцать часов уровень угарного газа в крови падает до нормальных значений. Через две-три недели функция легких заметно восстанавливается, а риск инфаркта снижается... Черт, это не ерунда, конечно, но все очень индивидуально

и зависит от стажа курильщика. Некоторых заядлых дымочуров месяцами колбасит после отказа...

Думаю, с этим телом просто не будет...

Тем не менее я решительно выбросил пачку в мусорный бак у стоянки.

Пусть это будет первым шагом. Да, предстоят мучительные дни абстиненции, но иного пути нет. Тело воспротивилось моему решению: в висках застучало, а в животе появилось сосущее ощущение. Подумалось: «Ну хоть одну, последнюю!»

Еле-еле подавил дикое желание вытащить пачку из мусорки и закурить. Подивившись вывертам вроде бы моего, но уже подверженного влиянию другого мозга и тела разума, я вспомнил, как вдалбливал своим аспирантам на кафедре: «При отказе от алкоголя уже через три дня существенно нормализуется повышенное артериальное давление. Сосуды расслабляются, снижается их воспаление. Печень начинает процесс восстановления практически сразу после прекращения токсического воздействия».

Если все происходящее — реальность, а не причудливый предсмертный бред, то я явно получил второй шанс. Шанс, который может оказаться крайне коротким, если не взять ситуацию под контроль.

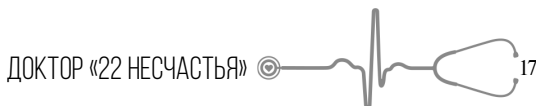
И срочно!

Открыв на телефоне навигатор, я вбил адрес дома прежнего владельца тела, завел машину и выехал с больничной стоянки. Мне нужно было многое осмыслить и спланировать дальнейшие действия.

У перехода притормозил, пропуская пешехода. Тут же раздался нетерпеливый гудок. В зеркале заднего вида показался массивный черный внедорожник. За рулем сидел тот самый молодой врач, который недавно смотрел на меня с презрением.

Я отъехал вперед, но внедорожник вплотную пристроился за моей потрепанной «девяткой» и снова просигналил, хотя скорость у меня была нормальная. Когда мы остановились на светофоре, окно внедорожника опустилось.

— Эй, Епиходов! — крикнул водитель. — Советую сразу собирать вещи! После комиссии тебя сольют быстрее, чем ты вылакаешь свою утреннюю бутылку!

Он рассмеялся, довольный остротой. Двое пассажиров в его машине тоже захохотали.

Раньше я бы промолчал. Но в этот момент, находясь в чужом теле и в чужой жизни, почувствовал странную свободу. Словно мне нечего было терять и одновременно имелось то, что нужно защищать. Да еще и никотиновая ломка подкинула дровишек в костер гнева.

В общем, я не утерпел.

Вместо этого опустил стекло и, вспомнив надпись на его бейдже и глянув прямо в глаза этому самодовольному чмырю, спокойно произнес:

— Знаешь, Виктор, я как раз размышлял о природе бездарности. О том, как заурядные, серые люди, не способные выделиться профессиональными достижениями, пытаются поднять свою самооценку, унижая других... К счастью, мою карьеру еще можно спасти. Я в этом уверен. А вот с врожденной тупостью и мелочностью, вангую, ты останешься на всю жизнь.

Лицо Виктора вытянулось от удивления. Такой отповеди от «спившегося неудачника» он явно не ожидал. В этот момент загорелся зеленый, и я плавно тронулся с места, оставив коллегу с открытым ртом.

Последнее слово осталось за мной!

Только отъехав на приличное расстояние, почувствовал, как неистово колотится сердце. Я не планировал этой конфронтации, слова сами как-то сорвались с языка. Что ж, похоже, на пути к восстановлению репутации, да и всей новой жизни, мне предстоит немало таких вот столкновений.

Город казался чужим и незнакомым, это слегка нервировало, но руки, словно ведомые мышечной памятью, уверенно крутили руль. Тело, в котором я оказался, знало дорогу домой, казалось, и без навигатора.

Яркие огни большого города, красивые улицы и нарядные дома в какой-то момент резко сменились темным захламлением. Куда я вообще еду?! Ну да, это и есть улица Марата. Оставалось найти дом 27.

Пришлось покружить, потому что место, куда я попал, было ужасным. Казалось, даже воздух здесь другой — плотнее и грязнее. Освещение было тусклым и шло от окон, фо-

нари имелись, но не горели. Во дворе нужного дома шныряли какие-то подозрительные личности.

— Че не здороваешься, Серега? — просипел один из них мне вслед, когда я входил в подъезд. А потом шумно втянул воздух и харкнул мне вслед.

Квартира, в которую я поднялся и открыл ключами, нашедшимися в кармане, выглядела так, словно по ней прошел локальный Армагеддон. Грязная посуда на столе, пустые бутылки из-под пива и водки на подоконнике, окурки в блюдцах, пепел на полу и диване, разбросанная одежда. Едкий запах несвежего белья и застоявшегося табачного дыма. В мусорном ведре — пачки из-под дошираков и пластиковые контейнеры от еды навывнос.

— Господи, — ошарашенно пробормотал я, оглядывая этот хаос. Меня аж передернуло.

Мой казанский тезка не просто находился в кризисе. Он активно занимался самоуничтожением. Стремительно деградировал. И делал это весьма успешно.

Что ж... Он уже поплатился, а я...

Я попробую не просто выжить, восстановив это тело, но и доделать то, что не успел в первой жизни.

Но, черт возьми, какой срach!